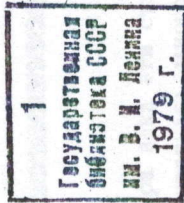

Б-51
И (Англ.)

Составление, вступительная статья
и комментарии

Р. Райт-Ковалевой

Иллюстрации художника
В. А. Фаворского

Бернс Р.

Б-51 Роберт Бернс.— М.: Правда, 1979.— 272 с., ил.

ИСБН

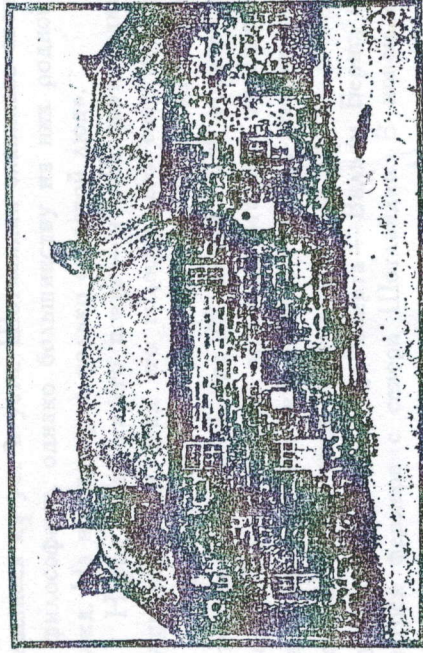
Творчество Роберта Бернса (1759—1796) — образец шотландской классической поэзии. Переводы С. Маршала, в которых публикуются стихи Р. Бернса, сделали их достойным русской поэзии. В данный сборник вошли самые известные песни, баллады и эпиграммы шотландского поэта.

70304—234
Б 080(02)—79 = 4703000000

И (Англ.)

© Издательство «Правда», 1979. Составление.

ЖИЗНЬ РОБЕРТА БЕРНСА¹

Летом 1786 года в шотландском городке Килмарноке вышел небольшой томик стихов, изданный по подписке молодым фермером Робертом Бернсом. Этот «Килмарнокский томик» принес автору неожиданную славу при жизни и бессмертие после ранней кончины.

¹ Печатается с сокращениями по изданию: Роберт Бернс. Стихотворения. Поэмы. Шотландские баллады. Издательство «Художественная литература», М., 1976.

А через полтора века эти стихи стали одной из любимых книг советского читателя: много раз выходили они в свет многотысячными тиражами в различных русских переводах. Для нас еще одно новое издание Бернса не просто сборник чудесных стихов, пересказанных советским мастером С. Маршакom с любовью к поэту и верностью подлиннику. Это залог нашей дружбы с земляками Бернса, потомками его первых читателей: килмарнокских ткачей, эйрширских пахарей и дамфризских кузнецов. На разных языках, но с общей душой о мире мы вместе с ними повторяем нетленные строки шотландского народного поэта о времени, когда «будут люди жить в ладу, как дружная семья, брат».

После выхода в свет своей первой книги Бернс прожил всего десять лет. Это были трудные, горькие, но плодотворные годы. Бернс оставил нам много стихов, песен, посланий друзьям. Его стихи и песни переводят на все языки мира, об авторе написаны многочисленные романы и научные исследования. Тысячи литературных обществ изучают и пропагандируют творчество Бернса и носят его имя. С каждым годом становится все яснее, что Роберт Бернс был не только замечательным поэтом, но и человеком большого сердца и ума. Этому есть много свидетельств. В стихах, в письмах, в дневниках и записях он сам рассказал о своей жизни, о своем труде, о судьбе поэта, который всегда говорил людям правду.

Бернс пришел в шотландскую литературу в конце XVIII века, когда в ней боролись две традиции: подражание английским образцам и стремление сохранить национальные особенности, народный язык. Страна, еще в XV веке давшая прекрас-

ные произведения духовной и светской поэзии, в 1707 году окончательно потеряла свою независимость, свой парламент, даже свой литературный язык¹. Официальным языком стал английский, и у народа, по-прежнему говорившего по-шотландски, остались только старые песни, легенды и сказки, передававшиеся из уст в уста. Шотландия славилась своими учеными и философами, однако большинству из них родной язык был чужд. На нем говорил только «простой люд».

Народ ждал своего поэта — и этот поэт родился в самой гуще народа и стал его голосом, его совестью, его сердцем. В деревушке Аллоуэй сохранилась глиняная мазанка под соломенной крышей, где 25 января 1759 года родился Роберт Бернс. По тогдашним временам это был хороший дом: в нем даже было окно с пузырчатым толстым стеклом, что считалось роскошью: за окна платили особый налог. Дом этот своими руками выстроил отец Роберта — Вильям Бернс, сын разорившегося фермера с севера Шотландии. В новом доме Вильям Бернс сделал полку для книг, привезенных из Эдинбурга, а по вечерам медленно и долго что-то писал, складывая в стопку узкие листы бумаги.

Это было «Наставление в вере и благочестии», предназначенное для его первенца, Роберта. Оно так и писалось — в виде беседы отца с сыном. Сын задавал вопросы, и отец в меру своего разумения пытался объяснить ему, что есть добро и зло, а главное — что есть долг человека. Он не мог и думать, что тот, кому он это писал, сам найдет для людей свои слова о счастье и свободе, свою правду, которая про-

¹ Об этом Бернс писал в стихах «Шотландская слава».

бьется сквозь камни отцовских наставлений, как молодая трава весной.

Вильям Бернс понимал, что только образование поможет его детям «выбиться в люди». С малых лет он сам учил сыновей арифметике и чтению. Когда Роберту исполнилось семь, а его брату Гильберту шесть лет, отец пригласил в дом молодого учителя Джона Мердока, который оказал огромное влияние на своего старшего ученика.

У Мердока была превосходная дикция и красивый голос: он с жаром декламировал Мильтона и Шекспира, объясняя трудные места. Он не только познакомил мальчиков с лучшими произведениями классиков, но и научил их правильно говорить по-английски и выразительно читать стихи.

Эти два речевых источника — литературный английский язык и простонародное шотландское наречие, на котором пела песня мать и рассказывала страшные сказки про ведьм и оборотней старая тетушка, наложили отпечаток на характер и на творчество Роберта. Позже, в Эдинбурге, он поражал ученых и литераторов отличными манерами и прекрасной речью, а своих друзей-шотландцев блестящим знанием старой шотландской поэзии.

На ферме Олифант, снятой в аренду у помещика, шла тяжкая крестьянская жизнь. Мальчики помогали отцу пахать, сеять и убирать скудные урожаи — земля на ферме оказалась очень плохой. Но вечерами, за ужином, «все Бернсы сидели, уткнув носы в книжки», — вспоминали их соседи.

Только летом становилось веселее: с соседних ферм приходили парни и девушки, и одной из них Бернс впервые написал

стихи. «Так для меня началась любовь и поэзия», — писал он потом.

Отец Роберта не оставлял мысли дать старшему сыну хорошее образование.

В 1775 году он решает послать Роберта в землемерную школу в небольшой городок Кэркосвальд. Роберт учился отлучно, все давалось ему легко. Совсем другим вернулся он осенью домой: вырос, загорел, повидал свет и прочел много новых книг.

В 1777 году семья переехала на ферму Лохли, в миле от оживленного торгового городка Тарболтона. Все свободные вечера Роберт проводил в этом городке, с новыми друзьями, им он читал свои первые стихи, с ними спорил и философствовал «о смысле жизни». И к его голосу уже начинают прислушиваться не только сверстники, но и многие другие.

1781 год был особенно тяжелым для семьи Бернса. Отец болел туберкулезом, ферма оказалась убыточной, и старому Бернсу пришлось судиться с управляющим. Отец решил снова отправить старшего сына в город Эрвин, где он должен был поработать на льночесалке и в прядильне: отец надеялся, что потом можно будет ткать дома холсты, которые сильно поднялись в цене.

И Роберт уехал в Эрвин с деревянным сундуком, где лежал нехитрый скарб, а на дне сундучка — отцовская библия и самодельная тетрадка со стихами.

Роберт поселился в маленькой мансарде с круглым окошком. Оттуда было видно, как в гавань входили большие океан-

ские корабли, и ветер доносил непривычные запахи просмоленных канатов, винных бочек и заморских пряностей.

Для сына фермера, впервые попавшего в приморский город, эрвинский порт казался воротами в иной, огромный мир. В ту незабвенную весну у моря, когда под мартовским солнцем отогревались больные суставы, с детства пораженные ревматизмом, и легче дышалось соленым морским воздухом, Роберт впервые прочитал стихи Роберта Фергюссона — молодого поэта, погибшего в 1774 году на двадцать четвертом году жизни. От него остался небольшой томик стихов на шотландском наречии, и Бернс впервые увидел, что его родной язык существует не как «простонародный диалект» или язык старинных полузабытых баллад, но и как настоящий литературный язык, на котором можно писать отличные стихи.

Книга Фергюссона привела Бернса в восторг. Теперь ничто не собьет его с пути: он «хочет ударить по струнам своей дикой сельской лиры в благородном соревновании с ним», как пишет он в своей заветной тетради. Позднее Бернс увековечил память великого поэта, поставив на его могиле плиту коричневатого-красного гранита, и велел высечь на ней четыре строки:

Ни урны, ни торжественного слова,

Ни статуи в его ограде нет.

Лишь голый камень говорит сурово:

— Шотландия! Под камнем — твой поэт!

Впоследствии все свое свободное время Бернс самоотверженно и бескорыстно отдавал собиранию старинных шотландских песен и баллад. Он годами участвовал в издании много-

томного «Музыкального музея», восстанавливая из множества устных вариантов наиболее неискаженные тексты и сочиняя новые слова на старинные мелодии, если тексты были утеряны или заменены вульгарными и безграмотными виршами.

Так Бернс стал одним из непосредственных участников возрождения богатого фольклора Шотландии не только как ее лучший поэт, но и как ученый, как большой знаток истории своей родины, ее быта, ее преданий.

После смерти отца двадцатипятилетний Роберт стал главой семьи, хозяином новой фермы Мосгил — «Робом Мосгилдом», как звали его соседи.

Этот год во многих отношениях был решающим для Бернса. В ближнем городке Мохлине он стал встречаться с людьми образованными, влиятельными. Адвокат Гэвин Гамильтон, нотариус Эйкен, доктор Маккензи интересовались его стихами и песнями на шотландском наречии, потому что сами говорили на том же языке со своими соседями-фермерами, читали Фергюссона и знали старый шотландский фольклор.

Роберт по-прежнему без усталости работал на ферме, но по вечерам часто уходил в Мохлин потанцевать с местными красотками, которым он посвятил столько стихов.

Здесь он и встретил семнадцатилетнюю Джин — дочь богатого и сурового подрядчика Армора, который часто бранил при всех «нищего Роба Мосгила» за его вольные стихи, где высмеивались ханжи и лицемеры, и за дружбу с «безбожниками и смутьянами» вроде Гэвина Гамильтона.

О встрече Роберта и Джин, ставшей его судьбой, его любовью на всю жизнь, написано очень много. Читая письма и

воспоминания, как бы становившись очевидцем этой трудной, часто трагической и все же прекрасной любви, родившей столько стихов и песен.

В это лето — первое лето их любви — Роберт написал многие из лучших своих произведений: кажется, что он даже разучился говорить прозой — он словно дышит стихами. Он пишет письма в стихах, и в них нет ни одной пустой строчки, ни одного лишнего слова, ни одного натянутого, надуманного оборота. И те, кто читает эти стихи, уже понимают, что в Шотландию пришел ее поэт.

По старинному шотландскому обычаю Джин и Роберт заключили тайный брак. Для этого надо было только подписать «брачный контракт», по которому двое влюбленных «признают себя навеки мужем и женой». Все меньше надеялся Роберт, что отец Джин позволит ей стать законной хозяйкой в его доме «перед богом и людьми». Дела на ферме шли из рук вон плохо, семья Бернсов нищала все больше и больше.

Тогда старшие друзья Роберта стали советовать ему уехать в Вест-Индию, где за два года можно было сколотить порядочное состояние и вернуться домой богатым человеком.

Роберт был в отчаянии. Об этом говорят его стихи, где он прощается с родной Шотландией и с «милой Джин»:

А ты, подруга, не грусти,
Чтобы тебя и честь спасти,
Бегу я в край далекий.
Нужда стучится к нам во двор.
Грозят нам голод и позор
И суд молвы жестокой.

Им и вправду грозил страшный позор: Джин ждала ребенка, и те, кто собирался принять Роберта на службу, могли отказаться от него, если бы открылась «эта преступная история».

В один из холодных ноябрьских дней Роберт случайно попал в придорожный трактир, где собирались необычные посетители — шайка нищих, бродячие ремесленники-угольщики, жестишники, лудильщики, где грелись у камелька солдат-инвалиды и старая маркитантка. Всю ночь просидел с ними Роберт. Так родилась знаменитая кантата «Любовь и свобода» с подзаголовком «Веселые нищие».

Эта великодушная поэма при жизни Бернса ни разу не печаталась, но ходила в списках по всей Шотландии, как и многие другие его «вольные» стихи.

Но настоящая слава пришла к Бернсу, когда вышло первое собрание его стихов — маленький томик, отпечатанный в типографии города Кильмарнока.

Для этого томика Бернс отобрал сорок четыре произведения; из них несколько — большие поэмы. Несмотря на то, что Бернс отдаст должное своим предшественникам — особенно Роберту Фергюссону, откровенно заимствуя у него характерную форму стихотворных посланий, или четкие парные рифмы с перекрестками в конце строфы, — все его стихи — совершенно новое слово не только в шотландской, но и во всей англоязычной поэзии. В них блестящее мастерство сочетается с социальной насыщенностью, с таким определенным «символом веры» — веры в человека, которую можно встретить только у очень больших поэтов, — когда никакая дидактика, никакая проповедь не идут

в ущерб основной задаче поэтического произведения — сказать стихами то, чего не выразить никакими другими средствами.

Шестьсот экземпляров разошлось по подписке, а остальные двести были раскуплены в тот же день: их покупали в складчину крестьяне и батраки, гончары и сапожники, стихи читали вслух в тавернах, переписывали в десятках экземпляров. Слава пришла к Бернсу, а он в это время вынужден был скрываться от гнева мистера Армора, который, узнав о «позоре» дочери, силой вырвал у нее и уничтожил брачный контракт, в который так верили и Роберт и Джин, и подал на поэта жалобу в церковный совет и в суд.

Бернс был совершенно огулен: он считал, что Джин его предала, отдав контракт отцу и уехав в дальний городок, как ей повелел родитель. Он бушевал в письмах (называя ее «клятвопреступницей») и хотя просил Всевышнего простить «мою бедную, недавно так горячо любимую девочку», которую «совершили родители», но тут же клялся, что больше никогда не называет ее женой!

«Килмарнокский томик» вышел 31 июля 1786 года, и весь август Роберт разъезжал по окрестностям, то скрываясь от мохалинских святош, то пожиная плоды своей славы.

«Мне теперь нечего бояться», — писал он другу, — многие знатнейшие джентльмены страны предлагают мне свою помощь и покровительство, да и Джин не пойдет против меня. Я видел ее недавно, она с трепетом ждет приближающихся родов...»

3 сентября 1786 года Джин родила близнецов — мальчика и девочку, названных, по имени родителей, Робертом и Джин.

Бернс был в восторге, но в письмах к друзьям добавлял, что Арморы по-прежнему против брака и что все друзья советуют ему поехать в столицу, где его уже знают и ждут и где, наверно, удастся издать большой сборник стихов.

27 ноября 1786 года Бернс уезжает в «Северные Афины» — Эдинбург.

Многие современники Бернса писали о том, как в самых изысканных салонах Эдинбурга появился красивый, высокий, чуть сутулый человек, элегантно, но просто одетый, с ненапудренной головой и прекрасными черными глазами. Все уже были насыщены о «поэте-пахаре», «самородке», о «богом данном таланте»...

Но никто не ожидал встретить человека такой высокой культуры, такой свободной, достойной, вполне светской манеры держаться. Законодательница мод прекрасная герцогиня Гордон приказала Каледонскому охотничьему клубу устроить бал в честь поэта. Весь вечер она танцевала с ним, удивляясь его остроумной и учтивой речи, а уходя, громко сказала: «Ваш пахарь совсем вскружил мне голову!»

Судьба Роберта была решена: ученые и писатели, поэты и философы, которыми славился Эдинбург, стали наперебой приглашать его к себе.

На торжественной ассамблее шотландской масонской ложи Великий магистр торжественно провозгласил здравицу: «За Каледонию и барда Каледонии — брата Бернса!» — и, подхватив этот возглас, все члены ложи стали приветствовать поэта.

Каледонский охотничий клуб постановил: все без исключения члены Клуба должны подписаться на сочинения Бернса

и содействовать тому, чтобы его стихи были выпущены в двух томах в лучшей типографии Эдинбурга.

Редактором книги был Вильям Смелли.

Бернсу очень повезло. Пожалуй, трудно было найти редактора более всесторонне образованного и вместе с тем добросовестного и до педантизма придирчивого, чем Вильям Смелли. Он, как писал о нем Бернс, был «человеком высочайшей одаренности, неисчерпаемых знаний и при этом обладал самым добрым сердцем и самым острым умом на свете».

21 апреля 1787 года вышло эдинбургское издание стихов и поэм Бернса. Полторы тысячи экземпляров разошлись по подписке, остальные пятьсот были распроданы в два дня.

Перед возвращением домой Бернс решил немного попутешествовать и отдохнуть от бурной столичной жизни.

Может быть, впервые за все свои двадцать восемь лет Роберт Бернс был так беззаботен и счастлив, как в начале мая 1787 года, когда он неторопливо ехал по зеленым холмам Шотландии, где «на каждом поле гремела битва, а у каждого ручья складывалась песня».

Его встречали с почетом. «Все проявляют особое уважение к моей поэтической светлости», — писал он.

Но отдых длился недолго. Надо было возвращаться домой, узнать, как дела в Мосстиге, как дети.

Надо было решать судьбу всей семьи и свою дальнейшую творческую судьбу. Сможет ли поэт, вернувшись «к старому своему знакомцу — пауку, все же сохранить в целости свою простую лиру, не дать пальцам огрубеть, а паутине забот оплести звонкие струны?» — писал Бернс.

Он знает, что теперь его голос слушает вся Шотландия. В своих письмах и стихах поэт сам подробно рассказывал о том, как, приехав домой, он понял, что должен вернуться к жизни простого фермера и что лучшей подруги, чем Джин, которая терпеливо сносила все перемены в их отношениях, у него нет и не будет.

После того как церковь официально признала их брак, Джин жила в семье Роберта, пока он строил дом на новой ферме Эллисленд, куда вскоре собирался перевезти Джин и детей.

На этой ферме семья поэта провела два с половиной года. Конечно, свободного времени у Бернса было мало: кроме хозяйства, он еще выполнял обязанности акцизного инспектора — наконец ему удалось по протекции получить это место. Приходилось обвешивать округу в двести миль, проверять, аккурратно ли платят налоги, не скрывают ли незаконные доходы от казны. И все-таки, несмотря на нужду, болезни, тяжкий труд, Бернс был счастлив: он писал стихи, он не мог нарадоваться на своих ребят. Осенью 1789 года Джин родила ему еще одного черноглазого мальчишку.

В этом году поэту исполнилось тридцать лет. Он жил такой напряженной, такой полной умственной жизнью, что многие его письма читаются как философские трактаты, как комментарии к учению великого французского философа Жан-Жака Руссо и английских просветителей — так глубоко он усвоил основные принципы века Просвещения, так органически слились они с его жизненным опытом, с опытом народа, из глубин которого он вышел.

В эти годы он все время посылает новые тексты песен в «Музыкальный музей» — всегда отказываясь от гонорара! — и в стихах часто говорит о миссии поэта:

Одной мечтой с тех пор я жил:
Служить стране по мере сил
(Пускай они и слабы!),
Народу пользу принести —
Ну, что-нибудь изобрести
Иль песню спеть хотя бы!..

«Это стихотворение, — писал Бернс, — должно было стать частью большой поэмы „Путь стихотворца“».

Но в это время другие события затмили размышления о своей судьбе. 14 июля 1789 года под ударами народного гнева пал оплот сильнейшей монархии в Европе — французского королевства — тюрьма Бастилия.

Началась Великая французская революция.

Напрасно мы будем искать в письмах Бернса прямой отклик на падение Бастилии. Большинство писем того времени сожжено если не самими корреспондентами Бернса, то их nasledниками.

Но в первые годы самые широкие круги Англии и особенно Шотландии сочувствовали французской революции. Казалось, что Свобода, Равенство и Братство придут из-за моря мирным путем. А тогда и Шотландия получит больше прав. И хотя множество шотландских граждан, в том числе и Бернс, из-за строгого имущественного ценза не могли участвовать даже в выборах муниципалитета своего города, не говоря уже о

парламентских выборах, политическая жизнь Шотландии ожила.

К сожалению, «шотландский бард» был акцизным чиновником, то есть служащим того самого «слабоумного Джорджа» — короля Георга Третьего и его реакционного правительства, против которого так откровенно высказывался поэт.

Бернс никогда не умел молчать, никогда не любил молчать, и все горести, которые ему пришлось пережить в эти годы, происходили оттого, что по должности он обязан был вести себя как образцовый служащий его величества, а по натуре был настоящим бунтарем, вольнодумцем, свободолюбцем.

К счастью, в списках, ходивших по рукам, сохранились стихи тех лет, опубликованные только после смерти Бернса. Среди них и «Дерево свободы» — прямой отклик на Великую французскую революцию.

В эти годы в Эллисленде написана и одна из лучших шотландских баллад — «Тэм О'Шентер», в которой Бернс гениально использовал старый фольклор и в «страшных» сценах бесовской пляски в старой церкви и в комических нравоучениях, обращенных к пьяницам и гулякам.

В 1791 году, распродав скот и весь инвентарь Эллисленда, Бернс переехал с семьей в небольшой, но оживленный город Дамфриз, где и прожил с августа 1791 года до июля 1796 года, когда тяжкая болезнь докончила тридцатисемилетнего поэта.

Эти последние годы были, пожалуй, самыми сложными в жизни Бернса. Он был государственным служащим — и законным бунтарем, счастливым отцом семейства — и героем множества романтических приключений, крестьянским сыном —

и другом «знатнейших семейств». Многие ученые и литераторы переписывались с ним, спрашивали его совета.

Время было бурное, сложное. Надежды, вспыхнувшие вместе с французской революцией и победой Америки в войне за независимость, были разбиты, общество «Друзей народа» разогнано, а его главы сосланы на каторгу.

Осень 1795 года и зима 1796 года стали роковыми для Бернса. Тогда врачи не понимали, что он давно и тяжело болен, что его обмороки и приступы боли во всех суставах — последствия тяжелого ревмокардита. Его лечили холодными ваннами, крепкими винами, по неведению усиливая смертельный недуг.

А тут еще от него стали отступаться его знатные друзья: многие обиделись на то, что он назвал короля и королеву Франции, казненных в Париже, «болваном-клятвопреступником и бессовестной блудницей».

Пришла весна очень холодная и дождливая. Бернс болел, но как только ему становилось немного легче, он снова начинал писать для сборника шотландских песен и баллад.

В переписке с составителем нового сборника — Томсоном чувствуется желание подытожить уже сделанное и предчувствие, что ему недолго осталось жить...

21 июля 1796 года поэт скончался, оставив семью без всяких средств. Бернса хоронили с помпой: регулярные войска шли церемониальным маршем до кладбища, играли трескучий и бездушный похоронный марш.

Джин не могла проводить Роберта: в этот час она родила ему пятого сына.

Друзья взяли на себя заботу о ней и детях.

А через много лет, когда слава Бернса наконец нашла дорогу в придворные круги Лондона, король назначил вдове Бернса пенсию.

И Джин, верная памяти Роберта, от этой пенсии отказалась.

О том, как росла слава Бернса, говорят тысячи книг на всех языках мира.

Поэту поставлено множество памятников — от простого мраморного бюста в нише дамфриского дома до сложных и затейливых башен с барельефами, греческими портками и статуями причисленных красавцев-пахарей, с неизменной мышкой у ног, маргариткой под лемехом плуга и парящей музой в классических покрывалах.

Но народ хранит его память по-своему. Пожалуй, нет поэта, которого бы так знали и пели на протяжении двух веков.

* * *

Роберта Бернса знает весь мир, и все же именно нашу страну шотландцы называют его второй родиной. Первые переводы Бернса появились у нас в начале XIX века. Позднее поэзией Р. Бернса занимались многие переводчики. И, наконец, советский читатель познакомился с замечательными переводами С. Маршака. «Маршак сделал Бернса русским, оставив его шотландцем», — писал Александр Твардовский. Все многочисленные переводы, принадлежащие С. Маршаку, хранятся в дом-музее Бернса в Аллоуэе.

Популярность великого шотландского поэта в нашей стране растет день от дня.

Ежегодно, 25 января, вся Шотландия, а вместе с ней и друзья Бернса в Советском Союзе отмечают день рождения великого поэта. И можно надеяться, что его голос никогда не умолкнет в наших сердцах.

Р. Райт-Ковалева

ПЕСНИ БАЛЛАДЫ ПОЭМЫ

